

Публикации документов

УДК 069.5

DOI 10.62139/2949-608X-2026-4-1-153-162

Заметки Е.И. Ламанского о западноевропейских музейных коллекциях

Пивоваров Евгений Григорьевич

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники
им. С.И. Вавилова Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия

В 1857–1858 гг. Евгений Иванович Ламанский, секретарь Императорского русского географического общества, совершил научную командировку по Западной Европе. Целью поездки было установление связей с зарубежными научными учреждениями и изучение их опыта. В отчетах и письмах Ламанский подробно описывал библиотеки, статистические и географические организации. Упоминая музеи, он проявлял интерес в первую очередь к географическим и этнографическим коллекциям. Наибольшее впечатление на него произвели учреждения в Брюсселе и Дрездене, а также антропологический кабинет в Париже.

Ключевые слова: Е.И. Ламанский, музеи, Русское географическое общество, музейные коллекции

Цитирование: Пивоваров Е.Г. Заметки Е.И. Ламанского о западноевропейских музейных коллекциях // Журнал Российского национального комитета по истории и философии науки и техники. 2026. Т. 4, вып. 1. С. 153–162

E.I. Lamansky's Notes on Western European Museum Collections

Evgenii G. Pivovarov

St. Petersburg Branch of S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, Saint Petersburg, Russia

In 1857–1858, Yevgeny Ivanovich Lamansky, Secretary of the Imperial Russian Geographical Society, undertook a scientific mission to European centers. The purpose of the trip was to establish contacts with foreign scientific institutions and study their experience. In his reports and letters, Lamansky described libraries, statistical, and geographical organizations in detail. When mentioning museums, he expressed interest primarily in geo-

graphical and ethnographic collections. He was particularly impressed by the institutions in Brussels and Dresden, as well as the anthropological cabinet in Paris.

Keywords: E.I. Lamansky, museums, Russian Geographical Society, museum collections

В прошлом году исполнилось двести лет со дня рождения Евгения Ивановича Ламанского (1825–1902), видного государственного деятеля эпохи Великих реформ. Его жизненный путь и научное наследие хорошо изучены¹. Напомню лишь события, предшествовавшие поездке Ламанского по европейским научным центрам в 1857–1858 гг.

8 февраля 1850 г. он был избран членом Императорского русского географического общества (далее – ИРГО). С 1852 г. по предложению вице-председателя ИРГО Михаила Николаевича Муравьева заведовал его библиотекой, затем стал секретарем Отделения статистики. В 1854 г. Евгений Иванович сначала исправлял должность секретаря ИРГО, а потом был утвержден им. 8 декабря 1856 г. Совет ИРГО решил наладить отношения с европейскими научными кругами. Заручившись поддержкой Муравьева, Ламанский через великого князя Константина² получил 31 декабря 1856 г. согласие императора Александра II на финансирование зарубежной командировки и «с весны 1857 г. до осени 1858 г., то есть полтора года, провел в чужих краях»³.

В «Вестнике ИРГО» за 1857 и 1859 гг.⁴ опубликованы отчеты Ламанского о командировке. Первый из них составлен из донесений, отправленных из Парижа 19 июля (НА РГО. Ф. 1–1856. Оп. 1. Д. 45. Л. 35–42 об.) и 10 октября 1857 г. (НА РГО. Ф. 1–1856. Оп. 1. Д. 45. Л. 43–68 об.). Письма Ламанского, хранящиеся в Научном архиве РГО (чистовые автографы, написанные чернилами), подверглись существенной правке. Вице-председатель ИРГО Федор Петрович Литке вычеркивал ту информацию, которая, по его мнению, носила частный характер, вносил исправления в разделы, включаемые в официальный отчет.

Приведу пример курьезный, но показывающий, как текст Ламанского перерабатывался редактором для публикации: «Кроме богатой библиотеки, состоящей из значительного числа книг, карт и планов, в заведении Вандермалена находится огромный земной глобус, исправляемый время от времени его учениками, приготовленными в заведении. Глобус отличается не столько точностью, сколько величиною. Рассказывают, что Гум-

¹ См. работы Михайлова (1) и Бугрова (2), а также издания: *Ламанский Е.И.* Воспоминания. 1840–1890 гг. Пенза: Ред. журнала «Земство», 1995. 128 с. *Ламанский Е.И.* Статьи. Воспоминания. Письма / Сост.: А.В. Бугров, М.А. Елистратов. М.: УП ПРИНТ, 2015. 376 с.

² *Семенов П.П.* История полувековой деятельности Императорского Русского Географического Общества, 1845–1895. Ч. 1. Отд. 1–3. СПб.: Тип. В. Безобразова и К°, 1896. С. 160.

³ *Ламанский Е.И.* Воспоминания. 1840–1890 гг. Пенза: Ред. журнала «Земство», 1995. С. 22.

⁴ *Ламанский Е.И.* Извлечение из донесений Секретаря Императорского Русского географического общества Е.И. Ламанского Совету Общества // Вестник Императорского Русского географического общества. 1857. Кн. V. Ч. 21. С. 1–34. *Ламанский Е.И.* Отчет Секретаря Императорского Русского географического общества о занятиях его за границей в 1857–1858 годах // Вестник Императорского Русского географического общества. 1859. Кн. VI. Ч. 26. С. 13–38.

больдт, посетив однажды заведение, к величайшему своему изумлению, никак не мог отыскать на этом глобусе Каспийского моря. Не знаю, верен ли этот анекдот, но сомневаться в подложности нет достаточных оснований» (НА РГО. Ф. 1–1856. Оп. 1. Д. 45. Л. 48).

Комментируя письмо Ламанского, Федор Петрович оставил несколько помет серым карандашом: 1) «не столько точностью, сколько величиною» подчеркнуто, на полях надпись «Велика Федора, да дура»; 2) «глобусе Каспийского моря» подчеркнуто, на полях «!!!»; 3) от слов «Рассказывают, что» до «достаточных оснований» перечеркнуто (НА РГО. Ф. 1–1856. Оп. 1. Д. 45. Л. 48). В результате в журнальный вариант попал следующий текст: «Кроме богатой библиотеки, состоящей из значительного числа книг, карт и планов, в заведении Вандермалена находится огромный земной глобус, исправляемый время от времени его учениками, приготовленными в заведении. Глобус отличается не столько точностью, сколько величиною»⁵.

В отчетах Ламанский подробно рассказывал о работе в библиотеках, статистических и кредитных организациях, заседаниях Парижского, Лондонского и Венского географических обществ, их устройстве и трудах. Музеи как таковые мало интересовали путешественника. О них он пишет скупо. Так, в письме от 10 октября 1857 г., рассказывая о встрече с чешскими славистами Павлом-Иосифом Шафариком и Вацлавом Ганкой, он лишь замечает, что побывал в созданном в 1818 г. Národní muzeum v Praze (с 1848 г. – České muzeum): «Оставив Брюссель я посетил еще некоторые города Бельгии и сделал прогулку по Рейну для переезда в Франкфурт и за тем через Лейпциг, Дрезден... По дороге я остановился в Праге и... осмотрел народный музей и его библиотеку» (НА РГО. Ф. 1–1856. Оп. 1. Д. 45. Л. 49 об.–50).

Только два преимущественно географические и этнографические собрания привлекли внимание Ламанского (см. Приложение № 1). Первое находилось в Брюссельском географическом учреждении, основанном в 1830 г. Во главе Établissement Géographique de Bruxelles стоял бельгийский картограф, прославившийся «Атласом Вселенной» (Atlas universel), Филипп Мари Гийом Вандермален (Philippe Marie Guillaume Vandermaelen, 1795–1869) (НА РГО. Ф. 1–1856. Оп. 1. Д. 45. Л. 47–49 об.). Другое же было создано Фридрихом Густавом Клеммом (Friedrich Gustav Klemm, 1802–1867), с 1852 г. директором королевской библиотеки в Дрездене (НА РГО. Ф. 1–1856. Оп. 1. Д. 45. Л. 66–66 об.). Эта коллекция стала основой Этнографического музея в Лейпциге (упоминание о визите (2: 32)).

Редакторы «Извлечений из донесений Секретаря ИРГО... Совету Общества» пытались смягчить резкие оценки Ламанского («собрания пока весьма незначительны и лишены полноты и системы», «предметы, находящиеся в них, служат для развлечения детского любопытства»,

⁵ Ламанский Е.И. Извлечение из донесений Секретаря Императорского Русского географического общества Е.И. Ламанского Совету Общества // Вестник Императорского Русского географического общества. 1857. Кн. V. Ч. 21. С. 12.

«внешний вид коллекции... лишает музей г. Клемма вида ученого собрания и придает ему характер игрушечного магазина»). Приведу лишь один пример, сноску в журнальном варианте, написанную Владимиром Павловичем Безобразовым, исполнявшим обязанности секретаря ИРГО в отсутствие Ламанского: «Музей г. Клемма имеет исключительный характер материала, собранного многолетними усилиями, для изучения и разных выводов относительно сравнительной этнографии и развития человеческой культуры. Он вовсе не имеет целью выставку, более или менее приятную и общепользную для путешественников; как некоторые другие музеи напр. Берлинский. Что в первом отношении музей г. Клемма достигает своей цели, доказательством тому служат сочинения г. Клемма, приобретенные всемирную известность. Чтобы вникнуть во внутренний, глубокий смысл этого собрания, представляющего удивительную картину постоянного развития человеческих потребностей и средств удовлетворения им, нужно ближе с ним ознакомиться и даже не иначе как с помощью указаний самого г. Клемма; к счастью мы имели случай воспользоваться этими указаниями, предлагаемыми почтенным ученым с необыкновенным радушием и походящими на настоящие лекции истории культуры»⁶.

В бумагах Ф.П. Литке в Российском государственном архиве древних актов сохранилось несколько писем Ламанского вице-председателю ИРГО (чистовые автографы с незначительной правкой, написанные чернилами) (РГАДА. Госархив. Р. XXX. Новые дела. № 39). Основное отличие этой группы источников от официальных отчетов в «Вестнике», заключается в том, что они содержат больше частных сообщений о его здоровье, планах и заботах. Заметки Литке на документах невелики по объему. Возможно, это связано с тем, что они не предназначались для публикации. В сообщении от 12 декабря 1857 г. (РГАДА. Госархив. Р. XXX. Новые дела. № 39. Л. 13–20 об.) Ламанский описал «музеум антропологии, составляющий часть знаменитого Парижского Музеума сравнительной анатомии» (см. Приложение № 2) (РГАДА. Госархив. Р. XXX. Новые дела. № 39. Л. 14 об.–15, 17–17 об.), созданного естествоиспытателем Жоржем Кювье (Jean Léopold Nicolas Frédéric Cuvier, 1796–1832).

Жан-Луи-Арман де Катрефаж (Jean Louis Armand de Quatrefages de Bréau, 1810–1892), с 1855 г. занимавший кафедру антропологии и этнографии в Национальном музее естественной истории в Париже, провел Ламанскому экскурсию по «антропологическому кабинету». Объяснив, что «успехи этнографии должны иметь основанием изучение естественной истории человека, и особенную цену в этом отношении он придает краниологии», он просил посетителя организовать «сношения по обмену черепов с нашей Императорской Академией Наук»⁷.

Единственными «представителями нашего отечества» в собрании были манекены, сделанные художником Гейзером (его имя, к сожалению,

⁶ Там же. С. 32.

⁷ Ламанский Е.И. Отчет Секретаря Императорского Русского географического общества о занятиях его за границу в 1857–1858 годах // Вестник Императорского Русского географического общества. 1859. Кн. VI. Ч. 26. С. 19.

неизвестно) для этнографического музея РГО. Экспонаты были принесены в дар меценатом Анатолием Николаевичем Демидовым князем Сан-Донато (1812–1870) (РГАДА. Госархив. Р. XXX. Новые дела. № 39. Л. 14 об.–15). Ламанский сетовал, что «черты лица и прочие типические отличия» на «куклах» совершенно неразличимы. При этом иллюстрации, приведенные в трудах Уральской экспедиции ИРГО 1847–1850 гг. (под руководством Эрнеста Карловича Гофмана) или в книге Ивана Демьяновича Булычева «Путешествие по восточной Сибири. Ч. I. Якутская область Охотский край» (СПб., 1856), неизвестны французским исследователям (РГАДА. Госархив. Р. XXX. Новые дела. № 39. Л. 14 об.–15).

Поскольку ответы Ф.П. Литке пока не найдены, уточнить, какие сведения о западноевропейских музеях заинтересовали вице-председателя ИРГО, можно только по его автографам на письмах Ламанского. Сам же автор, видимо, не придавал этим визитам большого значения. Характерно, что в конце жизни в воспоминаниях Евгений Иванович не упоминает, что осматривал какие-либо коллекции. И в заключительном отчете 1859 г. описания собраний Парижа и Лондона схематичны. Ламанский перечисляет «богатые и считающиеся лучшими коллекции Музея Естественной Истории, находящегося в Jardin des Plantes», «единственные в мире» собрания «Школы ремесел и искусств», инженерного учебного заведения, основанного в 1780 г., музей Джеймса Уайлда (1812–1887), придворного картографа королевы Виктории и его Великий глобус – Wyld's Great Globe⁸.

Заметки Ламанского о посещении западноевропейских музеев, представленные в Приложениях № 1 и № 2, позволяют понять, какие географические, этнографические и антропологические аспекты вызывали наибольший интерес или отторжение у представителя Русского географического общества. Они раскрывают разницу между публичной риторикой и личными впечатлениями либерально настроенного путешественника, а также демонстрируют редакторскую политику ИРГО, в частности, вмешательство Ф.П. Литке, направленное на сглаживание критических оценок и адаптацию текстов для широкой научной аудитории.

Приложение № 1

[Отчет Е.И. Ламанского в Императорское русское
географическое общество о научной командировке
в Западную Европу]

Париж, 10 октября 1857 г.

[...] В Брюсселе я познакомился наконец и с г. Вандермаленом и с его интересным Географическим Институтом. Говоря в строгом ученом смысле, заведение его нельзя ставить в ряд с учреждениями такого же названия в Готе, Вене и других местах. Заведение Вандермалена обнимает географию в самом обширном смысле этого слова. Нет предмета, который не подходил бы под ту или другую категорию его Музея. Из печатного

⁸ Там же. С. 19, 20, 27.

описания заведения можно составить понятие, до какого разнообразия доходят коллекции, хранимые в огромном помещении частного человека, посвятившего все свои досуги и все средства на осуществление своей любезной идеи. Как плод частных усилий на общую пользу и на развитие в юношах вкуса и страсти к изучению природы, к географии и к путешествиям, заведение Вандермалена заслуживает полного одобрения и снисходительного суда строгой критики. Я прилагаю при сем экземпляр подаренного мне основателем описания его заведения и со своей стороны полагаю, что перевод этой брошюры заслуживал бы помещения в Вестнике для назидательности читателей. Здесь же ограничусь несколькими словами о том, что я видел и что наиболее обратило мое внимание.

Приехав в заведение, я застал г. Вандермалена за работой. Он сидел в своей комнате, одетый в простую синюю блузу, и занимался разбиранием газет, отмечая в них статьи и переписывая заглавия их на карточки, для составления каталога. У него разобраны таким образом целые десятки газет и журналов с отметками всех статей, относящихся к той или другой части знаний. Карточки с означением предмета статьи, заглавия и номера журнала классифицируются по государствам и по предметам. Они служат прекрасным библиографическим указателем и открыты для всех желающих заниматься. В этих отметках г. Вандермален проводит целые дни. По его собственному выражению, он чувствовал в себе страсть к собиранию редкостей и замечательностей с самого детства и предпочитает эти занятия всяким развлечениям. Из дому он никогда и никуда не выходит [...] и, не скучая, проводит все свое время с утра до ночи в записывании статей или в классификации разных вещей для пополнения Музея. В выборе предметов и в определении границ его нет определенной системы.

Кроме богатой библиотеки, состоящей из значительного числа книг, карт и планов, в заведении Вандермалена находится огромный земной глобус [...]. В мое время глобус был покрашен и приготавлился получить новый вид. Кроме этого великана, в залах находится множество меньших земных и небесных глобусов, и коллекция аппаратов для наглядного изучения планетной системы, с весьма остроумными пружинами, приводящими планеты в движение и обращение. Все эти приборы назначены для преподавания в заведении; там же приспособлены комнаты с подвижным полукруглым потолком, изображающим созвездия для элементарного изучения астрономии. В заведении читаются публичные лекции астрономии и физики, для которой находится также кабинет инструментов. Преподавание имеет более целью развлекать и развить страсть к учению, нежели поучать серьезно; поэтому оно имеет в виду юношей и девиц, составляющих большую часть аудитории.

Кроме зал, посвященных упомянутым предметам, целый ряд комнат назначен для этнографического собрания, для промышленности и торговли. Здесь в шкафах и ящиках расставлены и разложены всевозможные предметы. Кроме одежд, украшений и предметов из быта разных народов, здесь вы найдете образцы машин и продуктов фабричных. Тут и

[...] Архангельские кружева и собрания почтовых облаток разных стран и игральные карты, папиросы и билеты железных дорог и билетов в театры, рядом с ними автографы замечательных лиц и проч. и проч.

Трудно составить себе ясное понятие о порядке, в котором расположены все эти предметы промышленного и торгового отделения; далее при заведении находится кабинет минералогический и теплицы для тропических растений, воспитываемых братом основателя, кабинет зоологический и наконец положено начало кабинету сравнительной анатомии. Все эти последние собрания пока весьма незначительны и лишены полноты и системы. Предметы, находящиеся в них, служат для развлечения детского любопытства. Попечениями сына основателя собрана коллекция медалей, монет и бумажных денег разных государств. С особенным вниманием рассмотрел я альбом французских ассигнаций времен революции. На страницах его наклеены подлинные ассигнации всех достоинств, начиная с тысячи ливров и доходя до мелких билетов в 10 и 5 су. Вандермален показал мне все свои редкости и разные картографические издания своего заведения, приготовляемые частно учениками, получающими образование под его руководством. Сообщив мне прилагаемый экземпляр и каталог изданиям, который я передал в Брюсселе для отсылки в Общество через Посольство, г. Вандермален письменно просил меня о дополнении его библиотеки нашими изданиями, предлагая в обмен свои собственные. [...] При обмене изданиями с заведением Вандермалена, смею думать, что Совет сделал бы не лишнее и оказал бы тем особое удовольствие почтенному собирателю, приложив к книгам кой-какие лишние предметы из нашего этнографического музея.

НА РГО. Ф. 1–1856. Оп. 1. Д. 45. Л. 47–49 об.

[...] На пути из Вены я остановился снова в Дрездене, с целью познакомиться с г. Клеммом, об этнографическом собрании которого я слышал весьма много самых разноречивых мнений, но которое не успел прежде [...] осмотреть лично в прежнее мое пребывание в этом городе.

Несмотря на болезнь свою, г. Клемм, узнав о цели моего посещения, услужливо предложил осмотреть свой музей и сам показывал все достопримечательности. Музей его состоит из предметов весьма разнообразных; относящихся к этнографии и частью к археологии. Весь он заключается в двух небольших комнатках, обставленных полками, [...] комодами с ящиками и шкафами. При тесноте помещения трудно сохранить какую-нибудь систему; поэтому расположение предметов представляет некоторый беспорядок или лучше сказать смешение. В первой комнате расположены разные оружия; стрелы и томагавки диких, концы каменных копий Аллеманов (так! – Е.П.), медные и железные кинжалы и ножи, и наконец новейшие ножики и вилки.

Это собрание должно представлять собою постепенный ход искусства. О полноте и непрерывной постепенности [...] коллекции не смею говорить, не имея специальных сведений, но кажется мне, судя по ограниченности

экземпляров, собранных с разных концов света, что в миниатюрном собрании г. Клемма должны существовать значительные пробелы. В этой же комнате я видел модель русской избы и некоторые модели станков, лодок и пр. В другой комнате целый комод наполнен разными серьгами и головными уборами, тут же находилось и собрание дамских вееров разных эпох и разных народов; собрание подошв и сапогов, разных кожаных вещей, собрание разбитых сосудов и хрусталя, по большей части, впрочем, обыкновенных рыночных изделий. Вещи г. Клемма напомнили мне собою некоторые части музея г. Вандермалена, но должно отдать справедливость первому; во всем у него проглядывает страсть классификации и сопоставления. Внешний вид коллекции и сохранение их в тесных ящиках, в коробочках и бумажках, несоразмерность числа экземпляров новейшего времени с вещами древними и европейских и немецких с иноподобными, лишает музей г. Клемма вида ученого собрания и предает ему характер игрушечного магазина. Ученое собрание подобного рода требует огромных способов, обширного помещения и необходимой полноты, недостаток которой лишает коллекцию всякого серьезного значения. По моему мнению, Общество наше не могло бы воспользоваться мыслью, подобною той, которая легла в основание описываемого собрания. Гораздо приличнее было бы желать в России интересное этнографическое собрание вроде того, как оно находится в Берлинском новом Музее.

НА РГО. Ф. 1—1856. Оп. 1. Д. 45. Л. 66—66 об.

Приложение № 2

[Письмо Е.И. Ламанского — Ф.П. Литке]

Париж, 12 декабря 1857 г.

[...] Кроме того, г. де Катрефаж обратился лично ко мне как к представителю Географического Общества с просьбой во имя науки, чтобы оно воспользовалось и своими Отделами, присутствием членов своих экспедиций в самых любопытных частях Азии, к собиранию человеческих черепов и слепков. Россия в этом отношении может оказать весьма замечательные услуги науке. Переходя затем к настоящему запасу сведений об этом предмете, он пригласил меня посетить вместе с ним музей антропологии, составляющий часть знаменитого Парижского Музеума сравнительной анатомии, созданного Кювье. В назначенный день он сам показывал мне все собрания по предмету антропологии, состоящей в непосредственном его заведывании. Коллекции черепов, слепков с лиц, частей тела и целых туловищ довольно богаты по некоторым частям. Африканские и Полинезийские племена и частью южно-арийские и американские, имеют значительное число представителей. В последнее время экспедиция принца Наполеона обогатила собрание экземплярами эскимосов и других племен Северной Гренландии. Стараниями г. Катрефажа Музей пополняется по мере возможности, но, несмотря на все в нем остаются огромные пробелы преимущественно по племенам, обитающим в пределах России или в пограничных с нею странах Азии. Единственными пред-

ставителями нашего отечества служат уменьшенные гипсовые или картонные куклы нашего же Этнографического Музея, принесенные в дар Анатолием Демидовым, или, как его официально называют здесь, князем Демидовым. Это коллекция, исполненная тем же художником, который делал головы для наших манекенов и передал одежды красками на фигурах, служит в Музее единственно для наглядного понятия о костюмах. Черты лица и прочие типические отличия совершенно пропадают в этих куклах малого размера и не могут быть принимаемы во внимание. Наши русские издания неизвестны за границей. Там, например, неизвестны даже карточки, приложенные к трудам Уральской Экспедиции Гофмана, ни рисунки к путешествию Булычева в Камчатку. И те и другие могли бы, между тем, дать лучшее понятие о предмете, нежели куклы Гейзера. Меня удивляет, что наш сочлен И.Д. Булычев, который решился пожертвовать значительную сумму на издание рисунков, не позаботился о большем распространении их в публике и между общепользовными публичными учреждениями Европы. Присматриваясь и прислушиваясь к записям и суждениям западной образованности, нельзя без горького сожаления не натолкнуться почти на каждом шагу на отсутствие правильных понятий о лучших сторонах русской жизни и о трудах русского ума на поприще наук.

[...] Де Катрефаж настоятельно просил меня передать просьбу Русскому Географическому Обществу, занимающемуся также этнографическими изысканиями, о собирании черепов и слепков с экземпляров разных племен и о вступлении с ним в обмен этими предметами. Если Общество, наконец, и не признавало для себя необходимым подсобное собрание, то, во всяком случае, заинтересованное успехами антропологии и этнографии, оно могло бы или через свои Отделы и своих путешественников, или, наконец, через передачу его просьбы другим ученым учреждениям в России, как Академия Наук, или Университетам, обогатить собрание Парижского Музеума и открыть с ним обмен. В особенности желательно было бы г. Катрефажу получить из России несколько черепов финского племени из окрестностей Петербурга. В настоящее время занятия его побуждают предполагать, что этими материалами разъяснились бы многие вопросы, останавливающие его внимание. Передавая просьбу г. де Катрефажа на благоусмотрение Общества, я не премину в свое время сообщить замечания его о необходимости собирания черепов, которые он вызвался представить Парижскому Географическому Обществу в виде программы для путешественников.

[Слова «о собирании черепов и слепков с экземпляров разных племен и о вступлении с ним в обмен этими предметами» подчеркнуты и над ними рукой Литке написано: «Кто и где будет лепить? Не наше дело»].

[Слова «успехами антропологии» подчеркнуты и над ними рукой Литке написано: «не нашей»].

[Слова: «как Академия Наук» подчеркнуты и над ними рукой Литке написано: «Зачем не обратиться прямо туда?»].

[Слова «г. Катрефажу получить из России несколько черепов финского племени из окрестностей Петербурга» подчеркнуты и над ними рукой Литке написано: «Должно посмотреть»].

РГАДА. Госархив.
Р. XXX. Новые дела. № 39. Л. 14 об.–15, 17–17 об.

Архивы

1. НА РГО – Научный архив Русского географического общества
2. РГАДА – Российский государственный архив древних актов

Литература

1. Михайлов М.Г. Экономические взгляды и деятельность Е.И. Ламанского (1825–1902): Историко-экономическое исследование: дис. ... канд. эконом. наук. М.: РГГУ, 2004. 144 с.
2. Бугров А.В. Евгений Иванович Ламанский: жизнь и деятельность. М.: УП ПРИНТ, 2015. 148 с.

References

1. Mikhailov M.G. *Economic views and activities of E.I. Lamansky (1825–1902): Historical and economic research*. [Economic sciences candidate's dissertation]. Moscow: Russian State University for the Humanities; 2004. 144 p. (In Russ.)
2. Bugrov A.V. *Evgeny Ivanovich Lamansky: life and work*. Moscow: UP PRINT; 2015. 148 p. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Пивоваров Евгений Григорьевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Санкт-Петербургского филиала Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 5.
E-mail: pivovaro@mail.ru. ORCID 0000-0001-8701-9684.

Дата поступления статьи: 09.11.2025

Одобрено: 11.02.2026

Дата публикации: 24.04.2026